

А.З. Прищепов



**ПРОЖЕКТОРИСТЫ – ЗАЩИТНИКИ  
ЛЕНИНГРАДА**



## ПРЕДИСЛОВИЕ

Пройдут года, нас сменят поколения наших внуков и правнуков. Они будут управлять страной, растить своих детей и внуков, и если у них возникнет интерес, как жили их прапрадеды и прапрабабушки, если им захочется узнать, что такое война, что такое блокада Ленинграда, пусть они прочтут воспоминания тех, кто всё это испытал. Пусть прочтут и эти воспоминания — своеобразный конспект о войне.

Война — самое страшное слово, война страшнее любой катастрофы. При катастрофе разрушения и гибель людей происходят почти мгновенно. На войне всё по-другому.

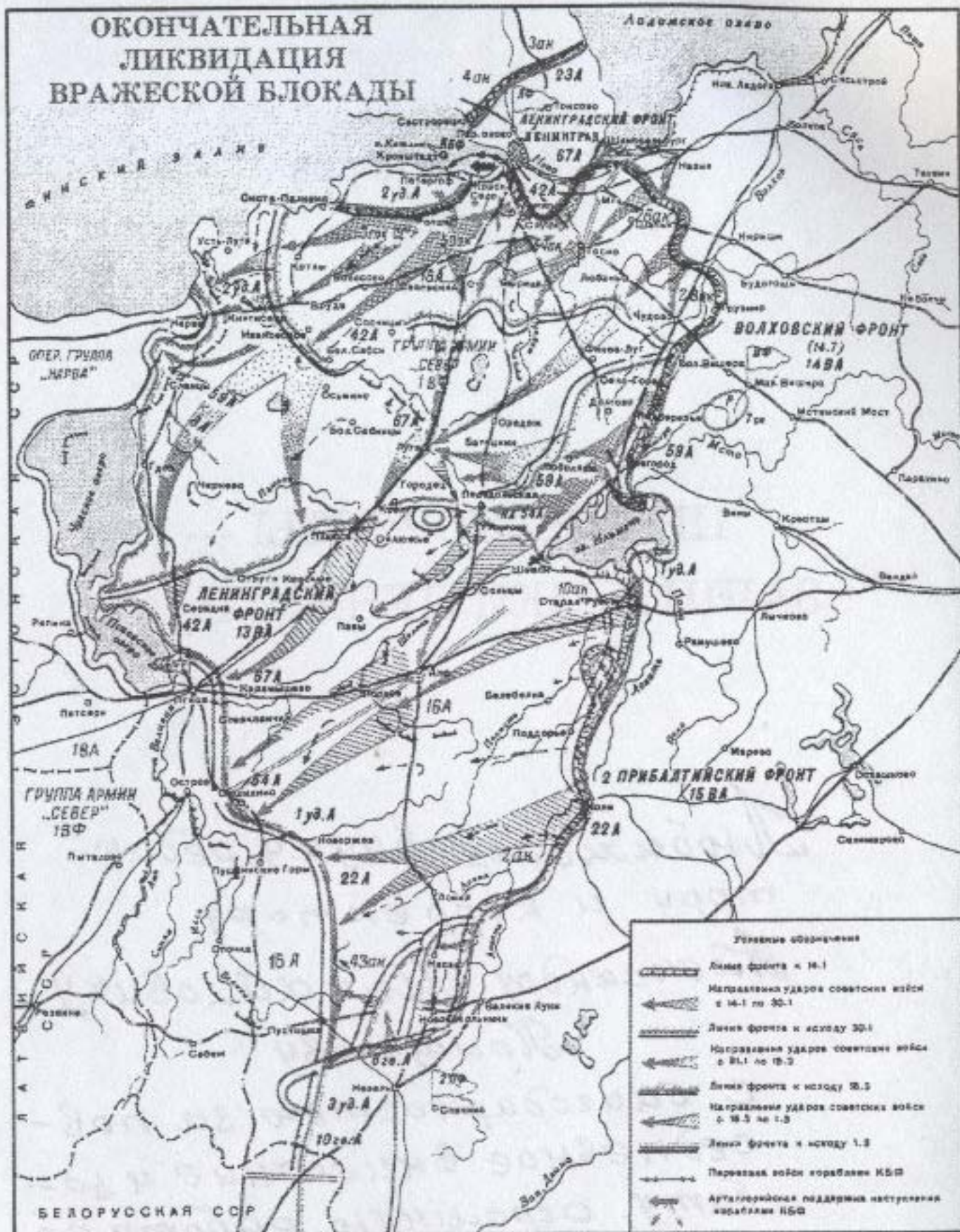
Есть научное определение, что такое война, но в нём говорится только о причинах возникновения войн. Обычно на уроках, лекциях и в учебной литературе говорят и пишут о том, кто с кем воевал, какие цели преследовали воюющие стороны, чем закончилась война. Об этом же спрашивают и на экзаменах. Но о том, какие моральные и физические силы забирает война у тех, кто воюет на фронте, и у тех, кто находится далеко в тылу, какие она приносит лишения, говорят очень мало. Видимо, поэтому для подростков-будущих воинов война — это романтика, возможность легко, без особых тягот, усилий, знаний и храбрости стать героем. Но совершить героический поступок удаётся лишь одному проценту участников войны, т.е. одному из ста. Остальные воины — просто труженики войны. Они наступают, отступают, держат оборону. Каждодневно как кроты роют землю, готовя укрытия для себя и для боевой техники. Они живут в полевых непригодных условиях под обстрелами и бомбёжками при очень скудном питании. Когда война закончилась, на их гимнастёрках были только медали за победу, за оборону наших и за взятие чужих городов.

Разве думали мы, что война продлится долгих 1418 дней; что она разрушит 1710 городов и посёлков, 70 тысяч сёл и деревень, 32 тысячи предприятий, 100 тысяч колхозов и совхозов; уничтожит треть всех национальных богатств; что она потребует призыва в армию мужчин, родившихся с 1890 по 1927 год (это 37 возрастов!); что призовут даже 500 тысяч женщин и девушек?

Во время войны в сельской местности и малых городах, где не было оборонной промышленности, остались только женщины, старики и дети. Для нужд армии были мобилизованы автомобили, трактора, лошади. Вся тяжёлая работа легла на плечи женщин и подростков. Как рассказывали моя мама — Мелания Мар-



# ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ЛИКВИДАЦИЯ ВРАЖЕСКОЙ БЛОКАДЫ





тыновна — и другие люди, как об этом писали корреспонденты, бригада женщин вместо лошади тянула на себе плуг и борону, вскапывала поля лопатами. Вот как добывался хлеб. А кроме изнурительной работы, нужно было ещё вести домашнее хозяйство, ухаживать за детьми и больными стариками.

Огромного напряжения сил и мужества требовали «похоронки» — извещения о гибели мужей, отцов, сыновей, других родственников — шедшие в семьи непрерывным потоком. Некоторые несчастные получали их не одну. Женщины внесли свой достойный вклад в Победу, у Победы женское лицо: матери, жены, сестры, дочери; это третий фронт, не учтённый гитлеровцами.



## НАЧАЛО ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ



1940 г.

В мае 1940 года по закону о всеобщей воинской обязанности я был призван в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии. До этого я два года проработал учителем и заведующим начальной школы, один год вёл третий класс, а второй год с теми же учениками вёл четвёртый, выпускной. После окончания четвёртого класса дети шли учиться в среднюю школу. Прошло уже много лет, но они — уже дедушки и бабушки — встречаясь со мной, называют меня по-прежнему учителем.

Накануне отъезда призывников на службу в клубе, несмотря на будний день, был торжественный вечер. Провожали меня и моего друга детства Пашу Власова, которому было суждено не вернуться с войны. Наши родители и односельчане, уже прошедшие армейскую службу, давали нам напутствия служить не за страх, а за совесть. Весь вечер и всю ночь мы танцевали, пели, веселились, девушки проявляли к нам особенное внимание.

Утром в сопровождении друзей и родных мы отправились в Рогачёвский райвоенкомат, где из призывников (а нас было более сотни) формировали команды и отсылали: кого в Гомель, кого в Могилёв, Витебск, Оршу — в зависимости от того, в какой военный округ убывала команда. Я попал в команду, которая была пополнением Ленинградского военного округа.

Прощаясь с родными, я не знал, что расстаюсь с мамой на долгие шесть лет, что впереди война, что с 1941 по осень 1944 года не буду иметь ни одной весточки от неё, а она, ничего не зная обо мне, будет томиться, печалиться и молиться, чтобы бог меня сберёг; не знал, что погибнут отец, очень любивший меня, и старший брат Николай. Мама повисла у меня на шее, а я, еле сдерживая слёзы, говорил: «Мамуля, успокойся, я буду хорошо нести службу, и скоро мне предоставят отпуск. Так совсем незаметно пролетят два года. Я вернусь, нежно тебя обниму, расцелую и скажу: «Мама, напрасно ты волновалась, вот я снова с тобой»». В ответ мама, плача, перекрестила меня три раза, обняла, целуя. Я прижал её к себе и поцеловал её родные глаза.



В Гомель мы ехали пассажирским поездом, по дороге познакомились друг с другом. В Гомеле нас, а также прибывших из других районов области, прямо на платформе накормили обедом из полевой кухни и отправили в баню. В бане мы прошли через санпропускник: во избежание вшей всю нашу одежду, кроме ремней и обуви, прожарили. Вечером того же дня специальным поездом, в товарных вагонах, оборудованных для перевозки войск, мы отправились в Ленинград.

Утром поезд прибыл на Балтийский вокзал. Моросил дождь. Нас с оркестром встретили командиры, поздравили с призывом в армию и строем повели в военный городок на Лермонтовском проспекте, 54. Позавтракав, мы пошли в баню, а после мытья получили обмундирование. Когда мы оделись, оказалось, что все похожи друг на друга: у всех одинаковая форма и одинаковые прически — наголо. Вместе со мной были земляки: Женья Длусский из Рогачёва и Кирилл Коржов из Старого Села.

Началась служба Родине. Отбой, подъём, построения, тренировки быстро раздеваться и одеваться. Нам выдали не кирзовые сапоги, а яловые ботинки. Поэтому многим особенно трудно давалась премудрость наматывать обмотки: чтобы было красиво и чтобы они не сползали. Многим было нелегко пришивать к воротникам гимнастёрки белые подворотнички.

Питание, как объясняли нам командиры, было приспособлено к условиям военного времени с учётом опыта только что закончившейся финской войны. Паёк был таким: один день в неделю — концентраты, один — рыбный, в остальные дни обычная пища. В день концентратов мы получали: утром пшённую кашу-концентрат, чай и ржаные сухари; на обед гороховый суп-концентрат, пшённую кашу-концентрат и сухари; на ужин каша из концентрата и чай с сухарями. Иногда вместо каши давали селёдку. Белого хлеба не выдавали совсем, никаких молочных продуктов в нашем рационе не было. Жилось голодно-вато, но сносно. Денег для покупки дополнительного питания не было, а если у кого-то они и имелись, то купить всё равно было негде: на территории военного городка магазина не было, а в город не пускали.

Раз в месяц мы выходили на полевые занятия на двое суток. Кроме тактики, нас учили разводить костёр в дождливую погоду, варить в котелках еду из концентратов, устраиваться на ночлег, используя ветки, плащ-палатку, шинель и ранец.

Я был зачислен курсантом школы младших командиров Второго Зенитно-прожекторного полка. Чему учили в полковой школе?



Мы глубоко и обстоятельно изучали электротехнику: постоянный и переменный токи, правила пользования электроизмерительными приборами; выполняли лабораторные работы.

Изучали правила эксплуатации прожектора, звукоулавливателя, пульта управления.

Изучали оптические приборы, средства связи: телефонные аппараты, десятиномерной коммутатор, строительство телефонных линий.

Изучали стрелковое оружие: винтовку Мосина, полуавтоматические винтовки Симонова и Токарева, автомат Дегтярёва.

Изучали автодело: устройство автомобиля, особенно тщательно автомобильные двигатели, отработывали практически регулировку системы зажигания и устройство автоматического управления оборотами двигателя при включении и выключении прожектора, энергоустановку, приводившуюся в движение от двигателя автомобиля, дорожные знаки, правила движения и практическое вождение автомобиля.

Изучали топографию: умение читать карты, ориентироваться на местности с картой и по компасу, вычертить с помощью карты рельеф местности по заданному маршруту, крутизну подъёмов и спусков на дороге.

На станции «Искатель» мы отработывали приёмы развёртывания станции из походного положения в боевое и из боевого в походное, отработывали практически поиск и освещение цели. Тренировались в выполнении обязанностей во время боевой работы, взаимозаменяемость любого помера расчёта, если он вышел из строя. На специальном патефоне тренировались, чтобы имитированный звук самолёта приходил в оба уха одинаково.

Как показала война, мы были совсем неподготовлены в деле строительства землянок, укрытий, гаражей, печей и плит для приготовления пищи; не умели пользоваться взрывчатыми веществами при копании котлованов в замёрзшем грунте. Станции оказались не укомплектованы приспособлениями, чтобы выкачивать автомобиль из земляного укрытия, чтобы удалять из гаража выхлопные газы. Не было движков для освещения землянок и зарядки аккумуляторов, а у немцев они имелись во всех землянках и блиндажах.

В конце апреля 1941 года я окончил полковую школу младших командиров. Из нашего взвода только мне было присвоено звание сержанта, всем остальным было присвоено звание младшего сержанта. Меня оставили в школе для дальнейшего прохождения службы.



Знания, полученные в полковой школе, углублённые и закреплённые в повседневной практике, а также самостоятельное изучение учебной литературы, особенно по радиотехнике, расширили мой кругозор и дали возможность в феврале 1944 года сдать экстерном экзамены по ускоренной программе за военное прожекторное училище. Я уверенно справлялся с обязанностями командира взвода, а после войны — командира учебного взвода-преподавателя в школе сержантов-прожектористов. Эти же знания помогли мне в апреле 1950 года экстерном сдать экзамены за полный курс военного радиотехнического училища ПВО в Гомеле.

В качестве командира расчёта прожекторной станции я участвовал в первомайском параде на Дворцовой площади. К параду готовились долго, около месяца: готовили технику, особенно двигатели и систему питания, бензобаки, красили автомобили и т.д. Состоялись три ночных тренировки на Дворцовой площади.

1 мая 1941 года в 8.30 мы прибыли на Исаакиевскую площадь, развернули технику для торжественного прохождения. Личный состав выстроился перед машинами. Парад начался в 10.00 с прохождения колонн военных учебных заведений, эту часть парада мы не видели. После прохождения колонн пошла техника. Наша колонна прошла без замечаний. После возвращения командир полка полковник А.П. Рысев на плацу в военном городке объявил благодарность участникам парада.

6 мая мы пешком убыли в лагерь в двадцати километрах от Ленинграда, вблизи станции Пудость. Неделю мы оборудовали лагерь, а затем началась плановая боевая и политическая подготовка.

Лагерная жизнь была очень напряжённой. Питались мы в столовой, которая находилась в военном городке «Пудость» в двух с половиной километрах от лагеря. Таким образом, только ради приёма пищи мы совершали в день по 15 километров. А ведь были ещё физподготовка, тактические, строевые и другие занятия. Короче говоря, мы ходили стройные, а некоторым даже пришлось прокалывать на ремнях дополнительные дырки.

По воскресеньям занятий не было, в лагере устраивались спортивные соревнования, мы читали, писали письма, пели песни, ходили строем на маленькую речку. Мы загорали, мыли ноги, стирали и сушили портянки, но купаться там было невозможно — глубина едва достигала полуметра.

Писем от родных и друзей мы ждали каждый день, иногда читали их вместе, обменивались домашними новостями. Забегая вперёд, отмечу, насколько тяжело было в период блокады, когда

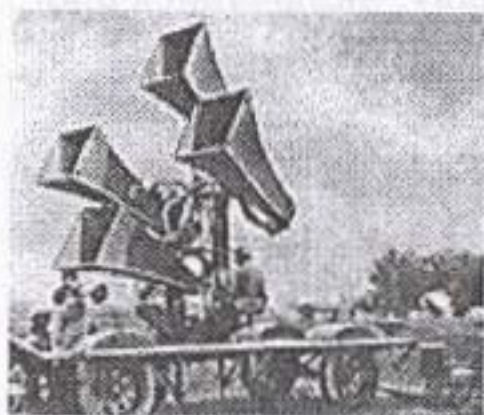


в нашем расчёте никто не получил ни одного письма, потому что у многих родители находились на оккупированной территории.

Живя в лагере, мы назначались в наряды: курсанты — часовыми, дневальными, а сержанты — дежурными по роте. Провинившиеся должны были качать ручным насосом воду в цистерну, стоявшую на возвышенности. Из цистерны поступала вода к умывальникам.

## СТРУКТУРА ВТОРОГО ЗЕНИТНО-ПРОЖЕКТОРНОГО ПОЛКА. БОЕВАЯ ТЕХНИКА

На вооружении полка были прожекторные станции, называвшиеся «Искатель» и «Сопроводитель». В каждом взводе была станция «Искатель» и три станции «Сопроводитель». В роте три взвода, в батальоне три роты, в полку три батальона. По штатному расписанию в полку было 27 станций «Искатель» и 81 станция «Сопроводитель». Станции «Искатель» являлись основным средством в решении боевых задач, поставленных перед полком. Поэтому подготовке и сплочённости их расчётов уделяли особое внимание командиры всех звеньев. Как правило, командир взвода постоянно находился на станции «Искатель».



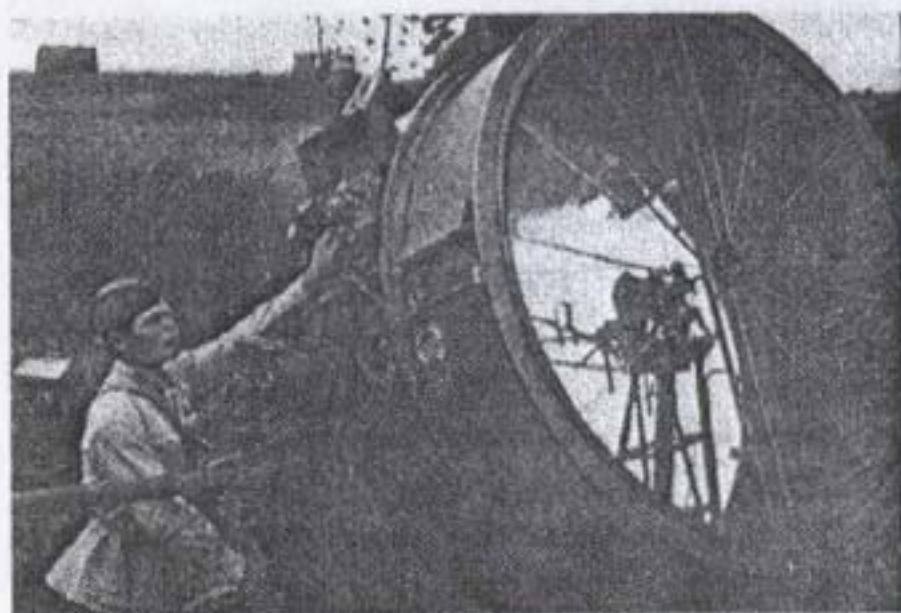
Звукоулавливатель

Станция «Искатель» состояла из звукоулавливателя, прожектора и пульта управления. Звукоулавливатель был смонтирован на платформе кузова трёхосного автомобиля. Расчёт — 12 человек. Принцип её работы был следующий. Один «слухач» через два рупора, расположенных в горизонтальной плоскости, по звуку определял место самолёта по азимуту, а второй через два рупора, расположенных в вертикальной плоскости, определял высоту полёта.

Оба они, вращая штурвалы, должны были добиться, чтобы звук приходил в уши одновременно и с одинаковой силой. «Слухачей» тщательно тренировали с помощью специального патефона, а также на особом полигоне: на натянутый трос вешали трещотку, тянули её по вертикали и по горизонтали, а «слухачи» на станции должны были вести «цель». Хорошо подготовленные «слухачи», в зависимости от высоты полёта, обнаруживали цель и вели её на дальности 15 км, а групповые цели — до 20 км.

Положение звукоулавливателя автоматически передавалось корректировщикам, которые на специальной полусфере вводили





Прожектор.

поправку в курс цели: на снос звука ветром, на время прохождения звука от самолёта до станции и на скорость самолёта. Скорректированные данные автоматически поступали на пульт управления. Два оператора, совмещая шкалу звукоулавливателя со шкалой прожектора, ав-

томатически направляли прожектор на цель и докладывали: «Есть цель». Начальник, находившийся около пульта управления, давал команду «Луч», и включался прожектор. Если цели в луче не оказывалось, что случалось часто, подавалась команда «Поиск». Операторы по отработанной схеме производили поиск цели в этом квадрате. Видя луч станции «Искатель», включались прожектора станций «Сопроводитель». В заданном квадрате образовывалось световое пятно шириной 50-60 метров, перемещающееся по схеме, и самолёт врага оказывался в лучах.

Что представлял собой прожектор? Это прибор, смонтированный на тележке, чтобы вкатывать его по панелям в кузов автомобиля, спускать из кузова на землю и перемещать во время нахождения на позиции. На тележке находился заключённый в кожух зеркальный отражатель параболической формы диаметром 150 см из оптического стекла. Его чистили марлевыми тампонами, смоченными специальным спиртовым раствором. Источником света являлась вольтова дуга. Два дорогостоящих угольных стержня давали под напряжением яркий свет в 750 млн свечей, который, отражаясь, постепенно расширялся и прорезал ночное небо. На высоте 9-10 км ширина луча была примерно 15 м.

Осветить самолёт, а тем более уничтожить его, можно было только при высокой выучке расчётов. В начальный период войны самолёты летали со скоростью приблизительно 300 км/ч, т.е. за одну минуту самолёт пролетал пять километров. Слаженный расчёт тратил две минуты на поиск самолёта, а зенитному снаряду нужно было ещё 13 секунд, чтобы со скоростью 760 м/с пролететь 10 км.

Станции Второго зенитно-прожекторного полка в начале войны дислоцировались на подступах к Ленинграду в зоне действия



истребительной авиации. По оценке командования ПВО, прожекторные станции со своей задачей — освещать самолёты врага на предельно возможной дальности — в основном справлялись. Самолёты, пролетавшие через зону полка в ночное время, освещались, но в начале войны советских самолётов было мало, молодые пилоты были плохо подготовлены к боевым действиям ночью, поэтому вражеские самолёты бывали атакованы редко. Были случаи, когда освещённые самолёты сбрасывали бомбы на прожекторную позицию или для устрашения обстреливали прожектористов из пулемётов. В расчётах имелись потери личного состава и техники.

В ближайших пригородах была зона зенитной артиллерии, её ночные действия обеспечивали отдельные зенитно-прожекторные батальоны. В блокаду истребительная авиация и зенитная артиллерия действовали совместно в общей зоне.

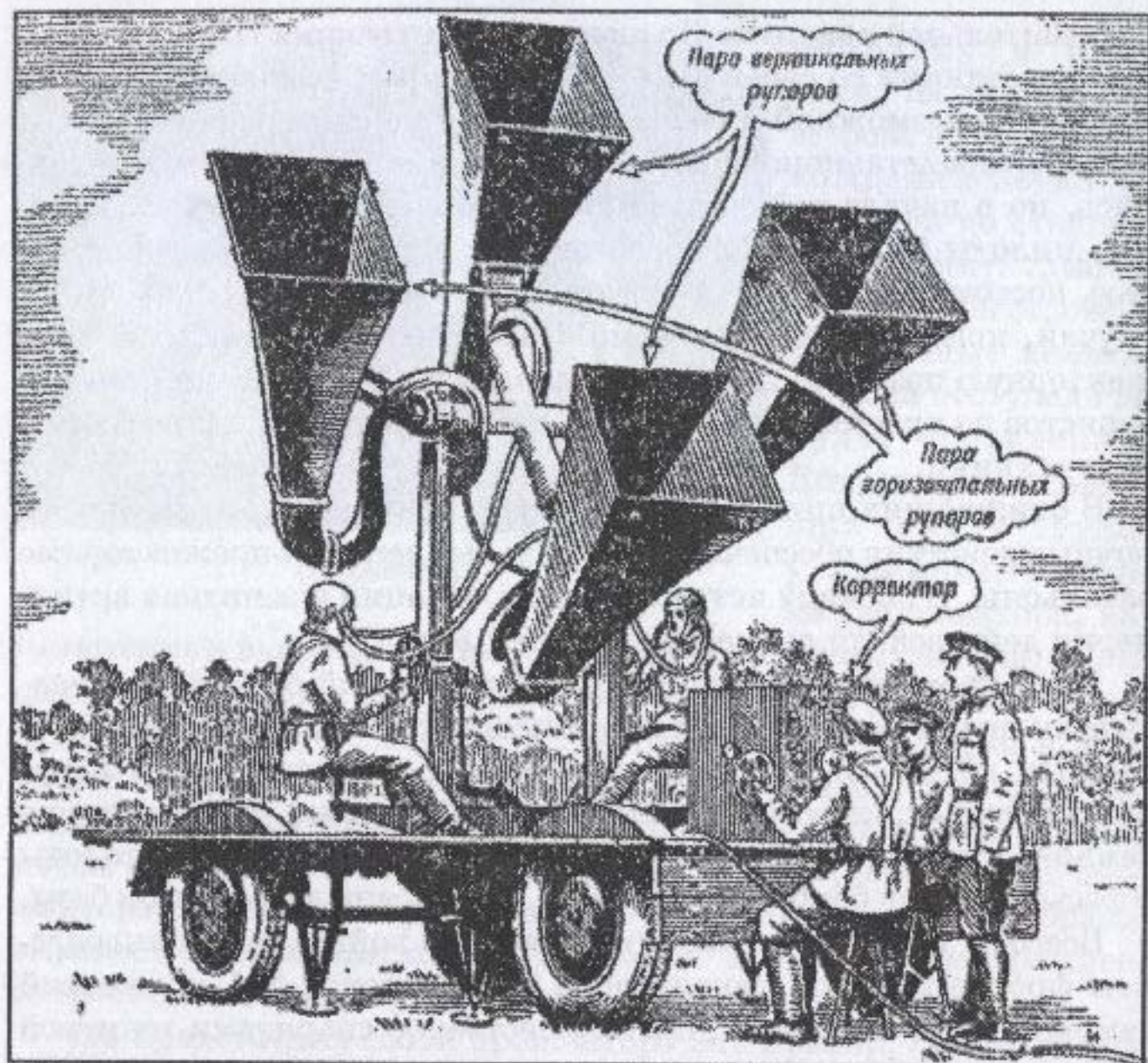
Лучи прожектора не уничтожали вражеский самолёт, но оказывали психологическое воздействие на экипаж, особенно на неопытных лётчиков. Они, как крадущиеся в темноте воры, вдруг оказывались ярко освещёнными и ослеплёнными. Что делается в темноте вокруг, не видно. Недостаточно подготовленные пилоты сбрасывали свои бомбы, куда попало, и возвращались на свои базы.

Всего за время Великой Отечественной войны на Ленинградском фронте в лучах прожекторов был атакован 271 вражеский самолёт, а уничтожен 41, преимущественно снарядами зенитной артиллерии.

В 1938 году на вооружение поступил радиолокатор «Редут-1». Он успешно прошёл испытания в боевой обстановке советско-финской войны. После ряда модернизаций его возможности расширились, и он стал называться «Редут-5». «Редут» был секретным оружием: он обнаруживал воздушные цели на дальности до 120 км и определял, одиночная это цель или групповая. Все радиолокаторы «Редут» были на эксплуатации в 72-м отдельном радиобатальоне.

Из-за нехватки радиолокаторов источниками информации о воздушной обстановке в начале войны были посты ВНОС — воздушного наблюдения, оповещения и связи. Их было 264. Наблюдение велось при помощи бинокля; об обнаруженных целях докладывалось по телефону. Кроме того, за воздушной обстановкой наблюдали во всех родах войск и все сведения передавались на центральный пост ВНОС командного пункта ПВО. Туда же поступали данные о действиях вражеской авиации от Центра радиоразведки Ленинградского фронта и Балтийского флота.





Работа звукоулавливателя (из книги «Артиллерия». Воениздат, 1938 г.).

Пока оператор принимал информацию и доводил её до исполнителя, проходило не менее пяти минут; за это время цель могла изменить курс полёта или оказаться уже над охраняемым объектом. Поэтому командование было вынуждено держать в воздухе патрулирующие истребители. На каждый сбитый самолёт врага приходилось совершать 170 самолёто-вылетов.

Пока радиолокаторов было мало, техники по эксплуатации «Редутов» из радиобатальона внесли 21 января 1942 года рационализаторское предложение. Суть его состояла в том, чтобы обстановку с экрана «Редута» можно было непосредственно наблюдать на КП истребительной авиации ПВО. Их рацпредложение было принято к внедрению. Горком партии помог получить всё необходимое на заводе «Радист». В короткие сроки воентехники Э.И. Голованевский, Н.Ф. Курчев, И.М. Завгородний и др. смонтировали аппаратуру, и на КП в реальном времени стала поступать информация на экраны



трёх мониторов. Благодаря этому, количество самолёто-вылетов для встречи с противником сократилось в пять раз.

В ходе войны на вооружение стали поступать радиолокационные станции П-18, П-20, СОН-2, РАП-150.

## НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ



Плакат. 1941 г.

21 июня 1941 года наш взвод заступил в лагерный наряд, я был начальником караула. Караульным помещением служил дощатый домик. В двадцатых числах июня — самые светлые ночи. Та ночь тоже была светлой и тёплой. Я почти до двух часов читал без света роман Вальтера Скотта «Ричард Львиное Сердце». В 23.30 прошла вечерняя поверка, прозвучал сигнал «Отбой», и вскоре лагерь затих. В 2.00 в лагерь приехали командир полка полковник А.П. Рысев и начальник штаба майор М.И. Лебедев. Я снял часового, они вскрыли штабной домик, и через минуту горнист протрубил тревогу. Бойцы с

оружием и противогазами построились на передней линейке, посыльные вызвали командный состав. Проверили личный состав, доложили командиру полка, и был объявлен отбой тревоги. На это ушло больше часа. Около трёх часов всё утихло, а в 4.00 вновь раздался сигнал «Тревога». Я подумал, что, видимо, командованию в первый раз не понравились наши действия по тревоге, но тут последовала команда «По машинам». Личный состав с оружием, ранцами и шинелями побежал в гараж. Я успел предупредить часовых. Через полчаса колонна прожекторных и звукоулавливающих машин выехала занимать оперативные позиции согласно заранее разработанному плану. В лагере остались только караул и хозяйственная рота.



В полдень по радио выступил Заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров, Нарком иностранных дел СССР В.М. - Молотов. Так стало известно, что началась война. Никто не мог предположить, что она будет такой продолжительной и тяжелой. Совсем недавно мы смотрели фильм «Если завтра война», там всё быстро заканчивалось полным разгромом врага. Такие настроения ещё поддерживались и в первые дни начавшейся войны.

22 июня лагерь был свёрнут. Я получил приказ взять оружие, вещи и к вечеру быть на оперативной позиции станции «Сопроводитель» в районе деревни Ладино за Гатчиной (тогда Гатчина называлась Красногвардейск). Моё имущество состояло из шинели-скатки, ранца, противогаза и винтовки. За день воздух накалился, на оперативную позицию я пришел усталый, мокрый от пота, весь в пыли. По телефону я доложил о прибытии командир роты старшему лейтенанту В.П. Попову. В полковой школе он был командиром взвода, а теперь стал командиром роты. Взводных командиров не было: по мобилизационному плану они должны были прибыть из военного училища, но пока не прибыли. Старший лейтенант Попов дал указания, как действовать дальше: где получать продукты, ГСМ, как действовать при появлении немецких самолётов, при взятии в плен немецких лётчиков.

Первый самолёт мы осветили 29 июня, как у нас говорилось, «с выстрела»: включили прожектор, и цель сразу же оказалась в луче. Ночи ещё были светлые, и было видно, где находится цель, не нужно было шарить лучом по небу. Самолёт летел на высоте около двух километров. К нам подключились ещё два прожектора. Мы вели самолёт, пока он не удалился. Мы обеспечивали действие истребительной авиации, однако самолёт беспрепятственно улетел, его никто не атаковал, а зенитной артиллерии в нашей зоне не было.

Немецкие лётчики никаких действий против нас не предпринимали. Обо всех пролетавших вражеских самолётах докладывалось на КП роты. В начале войны немецкие самолёты летали над нашими позициями даже днём, завязывался воздушный бой. Один раз в июле я видел, как наш истребитель И-16 сбил фашистского стервятника. Мы прыгали от радости как дети и кричали «Ура!», а вскоре его подбили «Мессеры», он загорелся и рухнул на землю. Был сбит и ещё один наш истребитель. Было очень обидно за наши неудачи.

В июле недалеко от наших позиций тысячи горожан, преимущественно молодые женщины, начали строить оборонительный рубеж: копать противотанковый ров, окопы и сооружать огневые



точки. Как мы теперь знаем, на этих работах ежедневно было задействовано более 175 тысяч человек. Глядя на начавшиеся работы, слушая гул, доносившийся с запада, и мы взяли за лопаты. Стрелковые ячейки, вырытые ранее, мы превратили в окопы для круговой обороны, начали энергично рыть укрытия для техники, готовились строить землянку. До сих пор мы жили в лагерной палатке. С каждым днём канонада на западе усиливалась, и поэтому мы стали тщательнее вести наблюдение за воздушной и наземной обстановкой.

8 августа мы узнали, что летчики полковника Е.Н. Преображенского долетели на тяжелых бомбардировщиках до Берлина, удачно отбомбились и возвратились на свою базу на эстонском острове Саарема. Мы ликовали и по своей наивности думали, что наконец-то наши покажут немцам свою силу. Однако наши надежды не оправдались: в августе немцы оказались уже под Лугой, 30 августа они заняли станцию Мга, 8 сентября захватили Шлиссельбург, и Ленинград оказался в блокаде.

Во второй половине августа в нашу роту прибыл выпускник военного училища лейтенант Ю.Брылин. Его назначили командиром нашего взвода. Теперь нам, командирам расчётов, стало легче решать многие насущные вопросы, касающиеся быта и боевой работы.

В конце августа метрах в трёхстах от нас, на позициях, подготовленных горожанами, заняли оборону бойцы народного ополчения и артиллеристы с 76-миллиметровыми орудиями на конной тяге.

6 сентября во второй половине дня немецкие самолёты начали бомбить нас и наших соседей. Воздух сотрясался от рёва моторов, от свиста летящих бомб и грохота взрывов разламывалась голова. Прикрытия с воздуха у наших войск не было, и «Юнкерсы» спокойно, нагло, с железной уверенностью кружились над нашими позициями, бомбили и обстреливали из пулемётов. В воздух летели куски дерева, комья земли, дым и пыль застилала глаза. Над позицией висела «рама» — немецкий двухфюзеляжный самолёт-разведчик «Дарнье». Он был оснащён превосходной аппаратурой для аэрофотосъёмки, телескопом и мог летать на высоте до 11,7 км, где ни истребители, ни снаряды зенитных орудий его не доставали. Самолёт-разведчик, подобный «Дарнье», так и не смогли построить ни у нас, ни у союзников.

Едва улетели бомбардировщики, как на позицию обрушился шквал огня из орудий и шестиствольных миномётов. Открыли ответный огонь и наши орудия. Казалось, только в земле, в тес-



ном окопе и можно спастись. У всех в глазах тревожное ожидание худшего. Появились два немецких танка, один из них тут же загорелся. Кругом крики, стоны, непрерывная стрельба из всех видов оружия. Мы заняли круговую оборону. Это было моё боевое крещение. Связь с командиром взвода не работала, попытка её восстановить оказалась неудачной. Я послал связного к командиру взвода, который находился в четырёх километрах восточнее нас. Время шло медленно. Посыльный всё не возвращался, бой продолжался, у нас уже имелись раненые. Некоторые нестойкие бойцы, которые не могли справиться со страхом, были готовы отходить.

Наконец прибежал, весь в поту, посыльный и доложил: «Командир взвода приказал свернуть станцию и ехать в сторону Красного Села». Уже стало темнеть, бой продолжался. Вылезать из окопа было страшно, но приказ есть приказ. Вздрагивая и пригибаясь, мы быстро свернули станцию. Другие станции нашего полка были частично повреждены, а несколько станций полностью разбиты. Посадив в кабину тяжело раненого бойца соседей, мы выехали на дорогу.

Было темно, в воздухе стоял металлический гул, раздавались крики, роями летали трассирующие пули. Дорога оказалась забита военными и гражданскими, техникой, повозками. Мы поехали в объезд. Встретив санитарную машину, сдали раненого и, наконец, выбрались на дорогу. Через пять километров мы встретили командира взвода лейтенанта Брылина. На дороге стояли две прожекторные станции. Лейтенант Брылин приказал мне с расчётами идти на КП полка к Красному Селу, а сам во главе колонны уехал в Ленинград.

Я остался командиром над 15 красноармейцами и двумя младшими сержантами. Мы поплы порасчётно. Обстановка была неясной; где наши, а где немцы, мы не знали. Мы двинулись в сторону, противоположную грохоту боя. Карты не было, и мы боялись заблудиться в темноте и попасть к немцам в плен. Я принял решение дать людям отдохнуть, а утром, уточнив обстановку, идти дальше. Я назначил дозорных от каждого расчёта, и мы заночевали на ржаном поле. Утром меня разбудили шум и стрельба. Дозор спал. Я разбудил всех и стал выяснять ситуацию.

Оказалось, что мы совсем недалеко от какой-то деревни, по деревне едут немецкие мотоциклисты, два бронетранспортёра с солдатами, которые беспорядочно стреляют из автоматов. Нужно было принимать какое-то решение. Вступать в бой? Позиция не подготовлена. Атаковать? Силы неравны, это самоубийство. У нас



были винтовки и по пятнадцать патронов. Тем временем немцы выехали на открытое место, наша артиллерия открыла по ним огонь, и те быстро скрылись. Мы направились в ту сторону, откуда вела огонь артиллерия. На опушке леса стояла батарея, нам указали направление на Красное Село.

Идти по дороге было невозможно. Пикирующие бомбардировщики-штурмовики «Юнкерс-87» расстреливали из пулемётов всё живое, что появлялось на дороге. На подходе к Красному Селу был выставлен КПП, и всех военных задерживали и отправляли в маршевые роты. Задержали и нас. Я доложил дежурному капитану, кто мы и куда идём, но он сказал, что вынужден нас задержать. Пока я разговаривал с капитаном, мимо нас прошёл красноармеец с кабельной катушкой за спиной. Я узнал его, позвал, и тот подтвердил, что недалеко от КПП находится командный пункт полка. Капитан разрешил нам идти. По кабелю, лежащему на земле, мы пришли на КП. Нас встретил комиссар полка — батальонный комиссар Т.Д. Чабан. Он приказал накормить нас и выдать нам командировочное удостоверение для следования в Ленинград на зимние квартиры. По пути в Ленинград на станции Шушары мы попали под бомбёжку, но никто не пострадал. Наконец мы добрались до казарм на Лермонтовском проспекте.

Утром 7 сентября 1941 года командир взвода приказал готовить станцию к выезду на позицию. День прошёл в приготовлениях. Мы сдали свои винтовки для вооружения бойцов народного ополчения, а нам выдали английские, видимо, оставшиеся со времён интервенции и Гражданской войны. Они были длиннее наших сантиметров на тридцать, намного тяжелее наших, с ножевым штыком и очень сложным затвором. Я приказал не разбирать затворы. Кроме того, расчёту выдали десять гранат Ф-1 и бутылки с горючей смесью для борьбы с танками. В 1942 году мы сдали английские «Ли-Энфилды» и получили автоматы: ППШ и более лёгкие Симонова, с рожком. Ими вооружались наблюдатели-часовые.

В первые дни войны были случаи ранения и гибели от неосторожного обращения с оружием. В соседнем подразделении солдат показывал работавшим на оборонительных рубежах, как действует граната, и подорвал себя. В нашем расчёте был случай, когда Ю.Панов и А.Зверев, направляясь на КП роты, перелезали через забор; Панов, опираясь на автомат, стукнул прикладом, и автомат выстрелил, так как не был поставлен на предохранитель. Пуля прошла через шею. Зверев доставил раненого товарища в госпиталь, жизнь его была спасена, но он чудом избежал обвинения в самостреле.





Плакат. 1941 г.

Вечером 8 сентября 1941 года, когда все только легли спать, раздался разрывающий душу вой сирен: воздушная тревога. Радио сообщило: «Воздушная тревога», и вновь вой сирен. Начался налёт немецкой авиации: гул моторов, вой летящих бомб, разрывы. Всё это сильно действовало на психику людей. На территории городка жили семьи комсостава. Женщины выбежали на улицу с детьми, не зная, куда прятаться. Убежища в городке не было, рядом на Обводном канале горели склады. Это был первый массированный налёт на город ночью. Лучи прожекторов в поисках вражеских самолётов прорезали небо, стучали зенитки. На город сыпались тысячи зажигательных бомб.

«Зажигалка» весом всего лишь один килограмм. Один бомбардировщик в контейнерах и кассетах мог нести тысячи таких бомб. Корпус зажигательных бомб изготавливался из сплава алюминия и марганца, бомба начинялась липкой горючей смесью и фосфором. Падая на дом, бомба пробивала железную кровлю или скатывалась на край крыши. Срабатывал взрыватель, загорался корпус бомбы, и разбрызгивалась липкая горящая масса. От неё загорались деревянные конструкции чердака. Бомба, лежавшая на краю крыши, была ещё опаснее: она прожигала крышу, и начинало гореть бревно, на котором держится крыша.



По тревоге мы с лопатами бежали тушить «зажигалки». Кто-то дежурил на чердаках, кто-то — внизу на земле. Зажигательные бомбы тушили, засыпая песком, или сбрасывали их лопатами на землю. Наш расчёт тушил бомбы на земле. Благодаря своевременным мерам, возникновение пожаров в военном городке было предотвращено.

Как теперь стало известно, всего в тот раз на город было сброшено 633 тысячи зажигательных бомб. Они вызвали 183 крупных пожара: горели Бадаевские Центральные продовольственные склады, нефтебаза, ряд других объектов, а рядом с нашим городком горели здание Госбанка и типография. Это была первая волна вражеских самолётов. Далеко за полночь налетела вторая волна, и начали падать тонные бомбы. Одна из бомб с парашютом и сиреной упала у Балтийского вокзала, парашют задел за провода, и бомба легла на землю, не разорвавшись. Такая же бомба упала на территории фабрики Гознака и взорвалась.

За сентябрь было совершено 23 групповых налёта вражеской авиации, из них 22 ночью. В сентябрьских налётах участвовало 280 самолётов, совершивших 2700 самолёто-пролётов. В ходе боёв зенитчики сбили 91 самолёт, а лётчики-истребители — 139 самолётов противника. Только 9 сентября 1941 года враг восемь раз попытался бомбить Ленинград, на Кировский завод упало 627 зажигательных бомб и 14 фугасных.

Чтобы снизить эффективность действия зажигательных бомб, была разработана специальная смесь на основе суперфосфата, которого в городе оказалось более 40 тысяч тонн. После того, как этой смесью были обработаны деревянные конструкции чердаков, число пожаров от зажигательных бомб резко сократилось. Фашисты хотели сжечь Ленинград, как они это сделали с Амстердамом и Варшавой, но город выстоял.

Утром 9 сентября 1941 года мы прибыли на оперативную позицию около посёлка Металлострой. В это время в трёх километрах от нас шли ожесточенные бои под Колпино. Позиция и всё пространство вокруг обстреливались из миномётов и орудий. Как только мы прибыли, к нам пришёл командир противотанковой батареи и предложил расположить прожекторную станцию так, чтобы мы могли работать не только по самолётам, но и по танкам, другой технике и живой силе врага. Я доложил об этом командиру взвода. Получив добро, мы так и поступили. Артиллеристы помогли нам оборудовать позицию для взаимодействия на случай прорыва немцев и установили у нас свой телефонный аппарат. Работать нам довелось, к счастью, только по самолётам.



Когда фронт под Колпино, а также и на других участках, стабилизировался, нас передислоцировали в район посёлка Рыбацкое. Там располагался экспериментальный радиолокатор «Уран». Его расчёт состоял из пяти офицеров, они до войны разрабатывали в НИИ этот локатор. Мы синхронно через пульт управления соединились с локатором. Начались дневные тренировки по пролетающим нашим и немецким самолётам. Локатор работал нестабильно, поэтому пришлось тренироваться визуально и по звуку. Для отработки приёмов и навыков наведения прожектора на цель по звуку мы тренировались с завязанными глазами. Контроль и корректировку производили через визир прожектора. Я находился сзади штурвального и давал оценку. Ночью цели освещались редко, в основном, мы включались в сопровождение уже освещённых.

Предпринимавшиеся попытки освещать немецкие самолёты с помощью радиолокатора не увенчались успехом. Расчёт был вынужден работать, как на станции «Сопроводитель» — по звуку моторов, визуально и с помощью мощного специального бинокля, установленного на треноге. В тёмную ночь самолёт можно было обнаружить по выхлопам двигателя, а в ясную можно было заметить, как самолёт своей тенью перекрывает свет звезды. Также самолёт можно было заметить по оставленному шлейфу. Наша позиция располагалась рядом с зенитной батареей, поэтому была под прицельным обстрелом во время вражеских налётов.

Начиная с 4 сентября 1941 года, вражеские снаряды рвались на улицах и площадях Ленинграда, убивая и калеча горожан, разрушая дома и исторические памятники города.

В это трудное время в Ставке всерьёз забеспокоились о судьбе Ленинграда. Комиссия Государственного Комитета Оборона, работавшая в Ленинграде, установила, что командующий Ленинградским фронтом К.Е. Ворошилов и Военный совет фронта принимают недостаточно мер для обороны города и что может произойти катастрофа. Вместе с бомбами враг засыпал город листовками: «Сдавайтесь, или сравняем город с землёй». Нужен был военачальник, способный круто изменить ситуацию. Несмотря на то, что фашисты были под Москвой, Ставка назначила командующим Ленинградским фронтом генерала армии Г.К. Жукова. 10 сентября Жуков прилетел в Ленинград.

По оценке Жукова, критическим днём в битве за Ленинград было 17 сентября: немцы захватили Урицк и Лигово. Тогда и появился приказ: «За оставление занимаемой позиции без письменного приказа Военного совета фронта или армии командиры, политработники и рядовые бойцы подлежат немедленному рас-



стрелу». После войны некоторые историки стали упрекать Жукова в жестокости. Да, приказ был жёсткий, но мягкотелые командиры губили себя и личный состав, не достигая нужного результата. Жестокость врага требовала адекватных мер. В последнюю декаду сентября противник, не получая подкрепления, перешёл к обороне. Благодаря таланту Жукова, его решительности, умению концентрировать главные силы на решающих участках, за короткое время враг был остановлен, фронт стабилизировался.

## ПЕРВЫЙ ТАРАН САМОЛЁТА В ЛУЧАХ ПРОЖЕКТОРА

Нева служила хорошим ориентиром для фашистских самолётов. На Неве стояли корабли Балтийского флота: линкор «Октябрьская революция», крейсера «Киров», «Максим Горький», десять эсминцев, три заградителя и другие суда. Важнейшими объектами Ленинграда были: штаб обороны Смольный, центральная водозаборная станция, мосты. Фашисты неоднократно предпринимали попытки уничтожить их.

Вечером и ночью 5 ноября 1941 года враг, как всегда, старался прорваться к Ленинграду. «Слухачи» из расчёта старшего сержанта Фатьянова своевременно обнаружили цель, корректировщики внесли поправки на запаздывание звука, ветер и скорость самолёта. Последовала команда «Луч!», и цель оказалась освещена. Её подхватили другие расчёты: сержанта Тимофеева, сержанта Блиндера и наш. По мере того, как самолёт удалялся, к его освещению подключались и другие станции. Бомбардировщик «Хенкель-111» пытался выскользнуть из лучей прожекторов, но его цепко держали, а зенитная артиллерия вела по самолёту огонь.

Находившийся в этом районе лётчик-истребитель младший лейтенант Алексей Севастьянов дал сигнал «Атакую». Зенитчики перенесли огонь на другие цели. Севастьянов на «Чайке-153» ринулся на врага. У него кончились боеприпасы, а немецкий лётчик, сбросив бомбы в Неву, пытался уйти. Лучи прожектора по-прежнему удерживали стервятника, и Севастьянов, невзирая на опасность, направил свой самолёт на фашистский бомбардировщик. Удар винтом, и немецкий самолёт был сбит.

Каждый раз по сигналу «Воздушная тревога» многие ленинградцы выходили дежурить на крышах домов и во дворах. В ту ночь они видели, как наш полутораплан таранил над центром города фашистский самолёт. Сбитый самолёт упал в саду недалеко от Таврического дворца. Три фашистских лётчика, сопровож-



даемые лучами, на парашютах приземлились на улице Маяковского. С помощью дежурных лётчики были пойманы, разоружены и доставлены в штаб ПВО. Второй немецкий самолёт в лучах прожектора сбили зенитчики.

«Чайка» А.Севастьянова, получившая сильные повреждения, упала в Басковом переулке, недалеко от командного пункта авиакорпуса ПВО. Севастьянов, тоже выбросившийся с парашютом, благополучно приземлился на территории Невского машиностроительного завода. Рабочие ночной смены, наблюдавшие за воздушным боем, подхватили героя на руки и стали качать.

Младший лейтенант Севастьянов сражался ранее под Брестом и под Москвой, но главный подвиг совершил в ленинградском небе. За ночной таран 5 ноября Севастьянов был удостоен звания Героя Советского Союза. Алексей Тихонович Севастьянов совершил 87 боевых вылетов, провёл много воздушных боев, на его счету три сбитых немецких самолёта. Он погиб в неравном бою 23 апреля 1942 года и похоронен на Чесменском кладбище недалеко от станции метро «Московская». Его именем названа улица в Московском районе.

Командиры расчётов, которые первыми осветили самолёт, были награждены медалями «За боевые заслуги». Были поощрены и другие отличившиеся бойцы. Этот случай воодушевил наших воинов.

## ОБОРОНА «ДОРОГИ ЖИЗНИ»



Несмотря на принимавшиеся меры по экономичному расходованию продовольствия и введение 17 июля 1941 года карточной системы, в Ленинграде на начало сентября 1941 года, за неделю



I		II		III		IV		V		VI		VII		VIII		IX		X		XI		XII	
1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000
1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000

**ЛЕНИНГРАД**

**Карточка на ХЛЕБ**

на **ОКтябрь 1941 г.**      **Получил**

норма 200 гр в день      **Мое количество**

ПРИ УТЕРЕ КАРТОЧКА НЕ ВОЗОБНОВЛЯЕТСЯ

до полной блокады, оставалось: зерна и муки на 35 дней, крупы на 30 дней, жиров на 45 дней, мяса на 33 дня и сахара на 60 дней.

Грузы, перевозимые через Ладогу, не покрывали суточного потребления. Городу ежедневно требовалось 2100 т одной только муки. Увели-

чить объём перевозок не позволяло количество судов, не помогало даже использование Ладожской военной флотилии. Погрузка и разгрузка судов шли медленно, не хватало специально оборудованных пристаней, причалов, перевалочных баз. Особенно тяжело было в ноябре до открытия ледовой дороги.

С октября 1941 года началась разработка пяти вариантов создания ледовой дороги через Ладожское озеро. Примеров прокладки дорог по льду больших водоемов военная история не знала. Зимой 1939-40 годов шведы предприняли попытку проложить дорогу по льду Ботнического залива, чтобы помогать Финляндии, но она окончилась неудачей, хотя зима была очень холодной.

Ладожское озеро замёрзло, судоходство прекратилось, но до 22 ноября 1941 года лёд оставался непригодным для прокладки дороги. К 20 ноября запасов в городе оставалось на 17 дней.

С 22 ноября 1941 года впервые в истории начала действовать ледовая трасса через Ладогу, названная ленинградцами «Дорогой жизни». В первые дни работы ледовой дороги перевозки тоже не покрывали дневного расхода.

Общая протяжённость трассы от Ржевки до Кобоны составляла 100 км. Обслуживали ледовую дорогу 17281 человек, 3624 автомобиля, 960 лошадей и саней. Дорога работала до 24 апреля 1942 года. По ней поступало продовольствие,







ГСМ, топливо, пополнение войскам и всё остальное, необходимое для города и фронта. Из Ленинграда по ледовой дороге эвакуировали население и даже везли технику в помощь защитникам Москвы.

Немецкая авиация всеми силами пыталась нарушить работу дороги,

уничтожить склады в Кобоне, Морье и Осиновце, подъездные пути, мастерские по ремонту автомобилей, землянки, из которых осуществлялось управление дорогой и где отдыхали водители, регулировщики и другой персонал. Для обороны дороги и объектов, связанных с перевозкой грузов, был образован Ладожский район ПВО. Ему были подчинены два полка истребительной авиации, 50 батарей зенитной артиллерии, 50 зенитных орудий малого калибра, 100 зенитно-пулемётных установок, 100 зенитных прожекторов и средства обнаружения и связи.

Прожекторная рота капитана А.Хазова защищала береговые объекты от нападений немецкой авиации ночью. Усиленный взвод под командованием лейтенанта Б.Перельмутера был развернут на ледовом участке дороги. Остальные станции были расположены вдоль подъездных путей и территорий, прилегающих к дороге вдоль побережья озера. Только за октябрь, когда ещё дорога не действовала, а водные перевозки почти прекратились, на Осиновец (там находилась перевалочная база) было совершено 22 налёта, в общей сложности в них участвовало около 200 самолётов.

Для того чтобы разместить на льду восемь прожекторных станций и орудия зенитной артиллерии, толщину льда искусственно наращивали на полметра, под колёса и домкраты подкладывали дощатые щиты. Для защиты от ветра и от штурмовых налётов авиации технику и жилую утеплённую палатку обкладывали вокруг льдинами, а сверху покрывали маскировочными





сетями. На Ладоге постоянно свирепствуют ветры и бураны, и закрепить сеть так, чтобы её не сдуло, было практически невозможно.

С появлением на трассе зенитных прожекторов, сразу же после первой ночи их работы, немецкие самолёты прекратили штурмовые удары и стали с высоты сбрасывать прыгающие мины осколочного действия. Ладога стала могилой для многих водителей и других работников дороги. Всего в озере затонуло 324 автомобиля.

За время работы ледовой дороги средства ПВО зафиксировали, что немецкие самолёты 1500 раз пролетали над объектами дороги. Было уничтожено 90 вражеских самолётов.

В сентябре 1942 года полк получил прожекторные станции, произведённые во время войны. Они значительно отличались от довоенных внешне и качественно. Отражатель прожектора был изготовлен не из оптического стекла, как они выпускались ранее, а из простого, недостаточно прозрачного. Если во время работы станции, особенно зимой, на отражатель попадали раскалённые кусочки угля от вольтовой дуги, он давал трещину.

Формировались новые прожекторные подразделения, и для их обучения привлекали сержантов из существующих подразделений, переводя их из действующих расчётов. На их место назначали хорошо подготовленных солдат, которым присваивали звание младший сержант. Был переведён и я. В военный городок «Бугры» прибыло пополнение молодых воинов 1924 года рождения из Чувашии, Мордовии, Подольска, из-под Москвы. В их числе были даже девушки. Пополнение разделили на расчёты, и началась их подготовка по курсу молодого бойца. Приняв военную присягу, они изучали боевую технику и обязанности номеров по специальностям станции «Искатель».

В нашем расчёте было шесть девушек и шесть юношей. Расчёт звукоулавливателя был полностью укомплектован девушками. Одна из них, постарше и более подготовленная — Т.Тишинская — была назначена командиром расчёта. Через неё решались все возникавшие у девушек вопросы.

Часто спрашивают, как на войне строились отношения между женщинами и мужчинами. Отношения были ровные, официальные. Совершенно необоснованно считают, что девушки во время войны вели себя «свободно». Для девушек в землянке была оборудована отдельная «комната». Действовал приказ: за интимные отношения с военнослужащими женского пола рядовые и сержанты направлялись в штрафную роту, а девушку переводили в другое подразделение; беременных увольняли домой. Если офи-



цер злоупотреблял своей властью и вследствие этого женщина-боец выходила из строя, его разжаловали в рядовые и направляли в штрафной батальон. Сама обстановка войны и этот приказ надёжно сдерживали темпераментных донжуанов. Когда после войны девушки увольнялись из армии, многие мужчины-военные женились на своих избранницах. Как мне известно, такие браки оказывались счастливыми и сохранялись до старости.

Наш расчёт находился в составе взвода старшего лейтенанта М.Г. Фейгина. После курса ускоренного обучения нас направили на позицию, расположенную на высоком обрыве у посёлка Рахья. Внизу был заболоченный лес. По дороге из военного городка «Бугры» в Парголово мы впервые увидели колонну автомобилей с продовольствием для Ленинграда. Это было продолжение участка дороги от Кобоны до Ржевки.

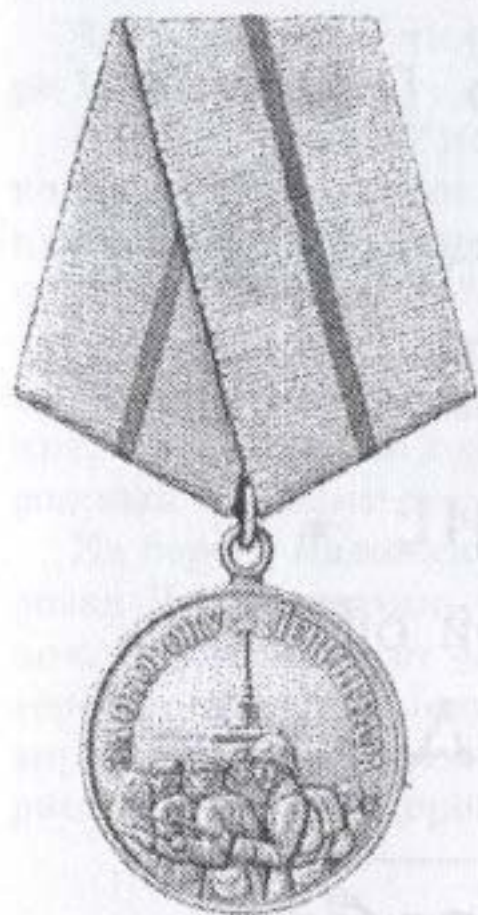
Обустроив позицию, мы заступили на боевое дежурство по охране Дороги жизни и прилегающих объектов. Зима 1942-1943 годов была более тёплой, чем зима прошлого года. Несмотря на начало ноября, грузы с Большой земли доставлялись водным транспортом до начала января 1943 года.

Последний конвой кораблей с пополнением для Ленинградского фронта прибыл в Морье 7 января 1943 года, взламывая лёд фарватера, а кое-где даже взрывая его. Хотя морозы были слабее, чем зимой 1941 года, Ладога всё-таки замёрзла. Ледовая дорога была открыта 25 декабря 1942 года, на месяц позже, чем в прошлую зиму, и действовала до 30 марта 1943 года. Всё, что требовалось для подготовки наступления по прорыву блокады, перевозилось по ней.

Летом 1942 года через Ладогу была построена линия для получения электроэнергии с Волховской ГЭС: по дну озера был проложен бронированный кабель.

С большой радостью мы встретили весть о том, что 22 декабря 1942 года Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «За оборону Ленинграда». Её изготовление было поручено Ленинградскому Монетному двору. Отчеканили 2 млн 200 тысяч медалей. Первые медали были вручены генералу армии Г.К. Жукову, членам Военного Совета Ленинградского фронта и Героям Советского Союза. Нам медали вручили в июле 1943 года. У меня это была вторая медаль, ранее я был награжден медалью «За боевые заслуги». Медалями награждались не только воины, но и горожане, даже школьники, принимавшие участие в тушении зажигательных бомб.





Медаль «За оборону  
Ленинграда»  
была учреждена  
22 декабря 1942 г.

После прорыва блокады в районе Шлиссельбургской крепости был построен сначала временный, а затем постоянный железнодорожный мост через Неву. Немецкие самолёты много раз пытались уничтожить его. Некоторые пролетали через наши боевые порядки. Расчёт станции ежедневно прослушивал небо, данные передавались на командный пункт. Когда цель появлялась в зоне действия прожектора, её освещали. Приблизительно за полтора года нами было освещено 42 самолёта, однако в нашей зоне они не были уничтожены ни зенитной артиллерией, ни истребительной авиацией.

В день снятия блокады, 28 января 1944 года, наш расчёт со станцией «Искатель» прибыл в освобождённое Красное Село. Мы выбрали позицию в деревне Иваново. Везде были следы панического отступления врага: разбитые танки с чёрными крестами, бронетран-

спортёры, брошенные в кюветах грузовики, орудия, миномёты, боеприпасы, трупы лошадей и много солдатских трупов — в лёгких серо-зелёных шинелях, с открытыми глазами, припорошенные снежком. Указатели на немецком языке. Вдоль главной аллеи в парке — множество берёзовых крестов, а на развилке дороги на Кингисепп и Гатчину — огромное поле, занятое под кладбище, а у входа — высокий, метров двадцать, чёрный рыцарский крест на бетонном пьедестале. Вокруг Красного Села минные поля. В этом районе наш расчёт нёс службу около двух месяцев. Ночью налётов немецкой авиации уже не было.

Стрелковое вооружение, наши и фашистские боеприпасы, а также трупы собирали трофейные подразделения. Боевая техника, разбитая и даже исправная, ещё долгое время оставалась на поле боя. Ввиду того, что бензина у нас не хватало, мы пополняли его запас из баков оставленных автомобилей. Недалеко от нашей позиции стояла совершенно исправная легковая автомашина БМВ. Мы доложили о ней и получили приказ перегнать автомобиль в распоряжение станции. Потом она была использована в управлении полка.



За нашу Советскую Родину



★ УДОСТОВЕРЕНИЕ ★

За участие в героической обороне  
ЛЕНИНГРАДА

*Трицетов*

*Александр Захарович.*

Указом ПРЕЗИДИУМА ВЕР-  
ХОВНОГО СОВЕТА СССР  
от 22 декабря 1942 г. награжден  
медалью

«ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА»

★

От имени ПРЕЗИДИУМА  
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР  
медаль «За оборону Ленинграда»  
вручена *4* *августа* 1943 г.

№ П *31267*



Председатель Исполнительного Комитета  
Ленинградского Городского Совета Депутатов Трудящихся

Член Исполнительного Комитета  
Ленинградского Городского Совета Депутатов Трудящихся

*Гонимов*  
*А. Бусилов*

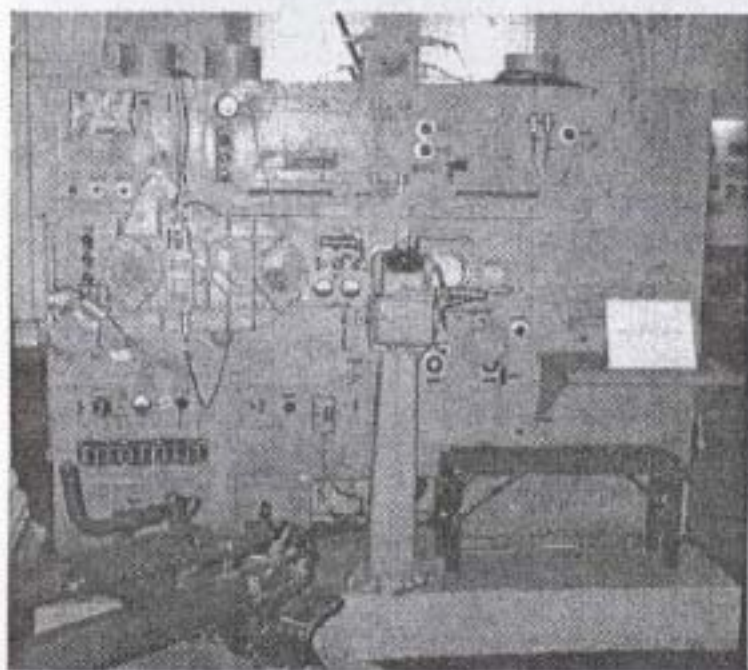


Здесь хочу вспомнить случай, произошедший со мною в январе 1944 года.

Однажды я ехал на лыжах снежной целиной на КП роты и попал на минное поле. Когда увидел, что кругом натянуты медные проволочки и торчат крепящие их штыри, мороз пробежал по спине. Что делать? Ехать вперед? Опасно. Решил аккуратно снять лыжи, развернуть их и по следу ехать обратно. Выехав с минного поля, я вытер пот с лица и, возблагодарив бога за спасение, отправился по дороге на КП. Ох, как необходимо быть осторожным на войне!

На берегу Ладожского озера, в том месте, где начиналась ледовая Дорога жизни, установлен памятник «Разорванное кольцо». По сторонам от разорванной дуги находятся два шара с отверстиями, направленными в небо над озером, которые символизируют зенитные прожекторы. Так увековечен подвиг прожектористов в обороне Дороги жизни.

## РАБОТА С РАДИОЛОКАЦИОННОЙ СТАНЦИЕЙ ОРУДИЙНОЙ НАВОДКИ СОН-2



Пульт управления СОН-2.

В начале мая 1942 года наш расчёт как имеющий опыт работы с радиолокатором передислоцировали в район станции Обухово, где была позиция СОН-2. К нашему приезду она уже была синхронно соединена с восьмиорудийной зенитной батареей. Через пульт управления мы тоже соединились со станцией, отработали приёмы работы со станцией, организовали передачу данных от станции на КП роты,

а затем приступили к оборудованию гаража и землянки. Пока мы сооружали собственную землянку, пришлось временно жить в землянке у зенитчиков.

Данные СОН-2 по телефону передавались на другие батареи и прожекторные станции. Прожекторные станции трансформиро-



вали полученные данные с помощью специальных планшетов и использовали их при боевой работе.

25 июля 1942 года немцы вступили в Ленинград, как они и мечтали, только не на парад, а в колонне военнопленных. Народ на улицах готов был растерзать пленных, охрана еле справлялась с гневом ленинградцев. Эту весть с огромной радостью мы узнали от офицера батареи, приехавшего из Ленинграда, и ещё в течение несколько дней отпускали между собой шутки в адрес немецких вояк.

Настоящая боевая работа СОН-2, батареи и нашей станции началась в августе 1942 года (точную дату не помню). СОН-2 была расположена в створе курса на Пятую ГЭС — единственную электростанцию, дававшую электроэнергию блокадному городу. После захода солнца, с первыми сумерками СОН-2 обнаружила приближающуюся групповую цель, летящую курсом на батарею. Батарея и наш расчёт своевременно изготовились, и как только передние самолёты достигли зоны возможностей прожектора, мы дали луч и с выстрела осветили немецкий бомбардировщик. Почти одновременно батарея дала по самолёту залп, затем второй — вражеский самолёт задымился, сбросил бомбы и рухнул на землю. Другие самолёты тоже начали бомбить. Батарея сделала ещё один залп, но тут стали рваться бомбы, и самолёты улетели обратным курсом.

Специалисты установили, что бомбы были весом не менее полутонны, но, поскольку грунт в районе позиции был мягкий, они ушли глубоко в землю и практически не повредили орудия и прожектор. Два орудия перекосило, два зенитчика и я получили контузию.

Помню свист летящей бомбы, взрыв, и потом всё исчезло. Когда сознание вернулось, я почувствовал тяжесть во всём теле. Первым делом я удивился, что ещё жив. В каком положении нахожусь, я не понял. Попытался открыть глаза — полумрак. Встрепенулся, чтобы подняться, кое-как очистился от грязи. В носу и во рту пыль, ноги не слушаются, спина онемела, голова разламывается, тошнота. Меня отнесли в землянку, фельдшер батареи хотела отправить меня в госпиталь, но я попросил подождать до завтра. Утром мне стало лучше, потом я начал ходить с палочкой, общее самочувствие улучшилось, только по-прежнему болели голова и спина, но через две недели всё прошло.

После этого налёта ни один немецкий самолёт в зоне действия батареи не появлялся, зато вражеская артиллерия ежедневно методически вела прицельный огонь по позиции СОН-2, зенитной батарее и нашей прожекторной станции.



СОН-2 также наводила на цель наши истребители. На батарее периодически дежурил штурман наведения. За сентябрь 1942 года летчик В.А. Мациевич, впоследствии Герой Советского Союза, по данным СОН-2 уничтожил ночью два немецких самолёта.

## БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ НА ВОЙНЕ



Старший сержант. 1943 г.

Воины-прожектористы в жесточайших условиях блокады, под налётами и артобстрелами несли вахту по охране ленинградского неба, разделяя вместе с горожанами все тяготы осады.

В расчётах прожекторных станций были люди разных возрастов и национальностей, с разным образованием и жизненным опытом, но общая цель — борьба с немецкими захватчиками — способствовала их сплочению. Старшие и более опытные бойцы помогали молодым овладевать специальностью; те, кто были сильнее физически, брали на себя более тяжёлую работу. Например, Петр Ткалич, украинец, был у нас сапожником. Он чинил обувь всему нашему расчёту и даже расчёту соседней станции. Русский Александр Ефремов был портным, Олег Семёнов заготавливал дрова, татарин Алихан Хайдаров был поваром. Я, белорус, был печником и прорабом во всех строительных работах.

В октябре 1941 года в расчёт прибыл Моисей Шнейдер, чтобы заменить ушедшего в десятую стрелковую бригаду В.Ивашкина. Он чётко доложил мне: «Товарищ старший сержант, красноармеец Шнейдер прибыл в ваше распоряжение». До войны Шнейдер работал в нашем полку по вольному найму парикмахером. После призыва в армию в июле Шнейдер продолжал исполнять обязанности парикмахера. В связи с некомплектom в расчёте он был направлен к нам.

Я познакомил его с личным составом, рассказал ему о его обязанностях, о распорядке дня. Внешний вид прибывшего бойца значительно отличался от нашего не только новым обмундированием, но и тем, что его голову украшала великолепная, модно подстриженная шевелюра черных, слегка вьющихся волос. Мы все ходили стриженные наголо во избежание вшей. В разговоре я



поинтересовался, захватил ли Шнейдер с собой парикмахерские принадлежности. Получив утвердительный ответ, попросил достать из вещмешка машинку для стрижки. Шнейдер достал машинку и подал мне. «Давайте, — сказал я, — проверим исправность машинки. Садитесь, накройте полотенцем, и начнём приводить ваш внешний вид в соответствие с уставом». Шнейдер взмолился: «Товарищ старший сержант, мне командир полка Алексей Петрович разрешил носить такую причёску». Я ему ответил: «Командир полка у нас полковник Рысев, и следует называть его по званию и фамилии. Он командует командирами батальонов и рот, а в мои обязанности входит поддерживать всеми силами боевую готовность, дисциплину и внутренний порядок в расчёте. Вы — мой подчинённый и будете выполнять все мои приказы. Если считаете их неправильными, имеете право подать жалобу командиру взвода лейтенанту Брылину». С нежеланием Шнейдер сел и был подстрижен наголо. Так не совсем обычно начал службу красноармеец М. Шнейдер. Всем расчётом мы помогли ему освоить его обязанности, научили пользоваться автоматом и правильно нести службу часового-наблюдателя. Так красноармеец Шнейдер стал нашим внештатным парикмахером. В дальнейшем он служил исправно.

В 1943 году рядовым и младшим командирам было разрешено носить короткие причёски.

На вооружении ПВО во время войны были станции «Искатель», состоявшие из прожектора и звукоулавливателя, и «Сопроводитель», имевшие только прожектор.

Наиболее тяжелые условия жизни приходились на долю расчёта «Сопроводителя». В полном составе — пять человек — расчёт никогда практически не был. Как все воины ПВО, каждую ночь личный состав бодрствовал, а при сообщении о налёте или по сигналу наблюдателя все бежали на свои боевые места, где и находились до отбоя тревоги. Днём и ночью велось наружное наблюдение за воздушной и наземной обстановкой. Для этого выставлялся часовой-наблюдатель. Эту службу несли первый, второй и третий номера. Часовой всегда находился на посту в каске, с противогазом и автоматом. Об обстановке на позиции докладывали на КП каждые полчаса. О малейшем изменении обстановки докладывалось немедленно. Таким образом, через каждые четыре часа нужно было два часа стоять на посту. В мороз стояли по часу. Это было равносильно тому, что пробыть четыре года в карауле без смены — ведь в мирное время солдат ходит в караул приблизительно раз в месяц.



В сентябре 1941 и 1942 годов часть красноармейцев из стационарных расчётов была направлена на укомплектование стрелковых частей. Им на смену были призваны девушки. Они были связистками, «слухачами», корректировщицами, операторами, санинструкторами. Девушки быстро освоили военные специальности, и в дальнейшем, когда мужчин направляли в стрелковые части, формировались девичьи расчёты. Девушки служили наравне с мужчинами и внесли свой вклад в оборону Ленинграда. Среди них тоже случались потери. Как-то раз одна из них, Оля (фамилии не помню, она недолго находилась в расчёте), находясь на посту, сняла каску, с началом обстрела не успела её надеть, и осколок ранил её в голову. Девушку отправили в госпиталь, и дальнейшая её судьба неизвестна.

Начальник станции по очереди со связистом дежурили с наушниками у телефона. Нужно было отвечать на голосовой вызов без звонка. Когда линия выходила из строя, связист отправлялся устранять повреждение. В расчёте шутили: «Обстрел. Семёнов, бери катушку, иди ищи: где разрыв — там обрыв».

Всю войну мы мечтали поспать непрерывно хотя бы четыре часа, на деле же приходилось спать урывками — по часу-два.

Кроме службы наблюдения и связи, необходимо было получать на КП роты продукты на неделю, горюче-смазочные материалы, готовить пищу, добывать дрова, ремонтировать инженерные сооружения, одежду, обувь, линию связи и выполнять другие хозяйственные работы.

Запомнился случай, когда ефрейтор А.Ефремов и я отправились с двухсотлитровой бочкой на самодельных санках из Рыбацкого на командный пункт роты в район Чесменской церкви на Московском проспекте получать ГСМ. Выехали утром, стоял морозный ноябрьский день. Пока шли, пока оформили получение — день почти закончился. На обратном пути начался интенсивный обстрел. С трудом тащили мы санки с бочкой, наполненной горючим. Впереди нужно было перекатить бочку через насыпь железной дороги. Несколько попыток окончились неудачей, мы вспотели. Наконец удалось втащить бочку на насыпь. Обрато на позицию мы пришли уже вечером, оторвались от санок и упали от усталости. Нас под руки отвели на нары. Несмотря на то, что страшно хотелось есть, мы уснули, и через два часа нас с трудом разбудили.

Паёк был скудным: 300 г хлеба или 150 г сухарей, вместо мяса — копчёная вобла, 150 г крупы и кокосовый жир. Всё это



варилось в ведёрке, чаще ночью, потому что ночью есть хотелось больше, чем днём. Воблу не чистили, чтобы сохранялся её запах.

В самое трудное время наш расчёт спасала часть туши лошади, убитой снарядом, а также кочерыжки с убранного капустного поля. Не вспоминались никакие другие продукты, постоянно думалось о хлебе: не верилось, что когда-нибудь можно будет есть хлеб без ограничения. Все были сильно истощены. Я при росте 175 см в 1943 году весил 58 килограммов.

Продукты и хлеб выдавались на неделю и хранились в нише землянки. Не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь взял что-либо из продуктов себе. Однажды мы стали делить хлеб, разрезали буханку и ахнули: внутри буханки пусто, осталась только корка да дырка. Всю дневную норму съела мышь. Мы выследили её, поймали и бросили на горячую плиту, предварительно открыв дверь землянки. Обгорелая мышь выскочила из землянки, и с тех пор мыши у нас перевелись.

В ночные часы мы изучали материальную часть станции, силуэты наших и немецких самолётов, осваивали смежные специальности. Каждый номер расчёта должен был уметь заменить любого своего товарища. Начальника по штату заменял первый номер — штурвальный.

Спали мы на нарах из жердей, реже — из досок, покрытых мелкими ветками. Простыней служила плащ-палатка, шинель — одеялом и подушкой. Спали в шапках и обуви. Если портянки были мокрые, то чаще всего их сушили прямо на ногах, наматывая мокрую часть к лодыжке, а сухую — к ступне. Зимой нам выдавали телогрейки и ватные брюки, они нас очень выручали. Часовому выдавался «дежурный» полушубок.

От дождя и воды, капавшей с потолка землянки, спасала плащ-палатка. Её подвешивали под потолком, и дежурный у телефона должен был периодически сливать набравшуюся воду в ведро. Если он забывал это сделать вовремя, плащ-палатка обрывалась и обливала спящих водой.

Наибольшие испытания выпадали расчёту после передислокации на новую позицию, а происходило это почему-то всегда зимой или поздней осенью. В шутку мы говорили, что делается это для того, чтобы служба мёдом не казалась. Прибыв на новую позицию, мы первым делом разворачивали станцию, проверяли её готовность, устанавливали связь, организовывали наблюдение за воздухом и землёй. В первую же ночь несли боевое дежурство. Дремали в кабине автомобиля по очереди по два часа.

Оборудование позиции начиналось с копания котлована для гаража. Копать землю поздней осенью или зимой — трудная рабо-



та. После сооружения гаража нужно было копать землянку, укрытие для прожектора, и всё необходимо было делать силами пяти человек с помощью ломиков и лопат. Стены котлована укрепляли всем, что попадало под руку: хворостом, жердями, досками, дровами и т.д. Сложнее было делать потолок. Требовались крепкие балки, могущие выдержать вес жердей, досок и насыпанной сверху глины и земли. Первый гараж мы строили в ноябре 1941 года. Всё уже было готово, оставалось поставить автомобиль, но вблизи разорвался снаряд, и от удара потолок рухнул. Пришлось всё начинать сначала. Чтобы двигатель не замерзал, в гараже строили печь. Автомобиль из гаража вытаскивали коловоротом. В землянке тоже была печь с плитой. Кирпич брали из разрушенных домов.

Чтобы водитель в гараже не задохнулся при работающем двигателе, для вывода газов использовались водопроводные трубы. Однажды труба, прикреплённая к глушителю, разгерметизировалась, и водитель чуть не отравился выхлопными газами. Дело было так. Мы освещали самолёт; после отбоя была дана команда выключить двигатель, но он продолжал работать. Ткалич, которого послали узнать, что случилось, открыл дверцу кабины, и прямо на него упал потерявший сознание водитель Хайдаров. С большим трудом удалось откачать его при помощи искусственного дыхания.

Ночью землянку освещала коптилка. Это была гильза 45-миллиметрового снаряда, фитиль делался из куска шинели, а горючее наливали, какое удавалось найти. Однажды мы пошли на неработавшую трансформаторную подстанцию и обнаружили там трансформаторное масло. Мы пользовались этим маслом для коптилки, добавляя в него подсоленный бензин. По утрам в носу накапливалось сажи, как в печной трубе.

Зимой целиком помыться было негде, самые закалённые обтирались до пояса снегом. Весной 1942 года приезжала передвижная баня: автомашина с котлом, палатка и шайки. Давали два тазика горячей воды и кусочек мыла. Осенью 1942 года в Ленинграде открылось несколько бань, и мы по очереди ходили в город мыться.

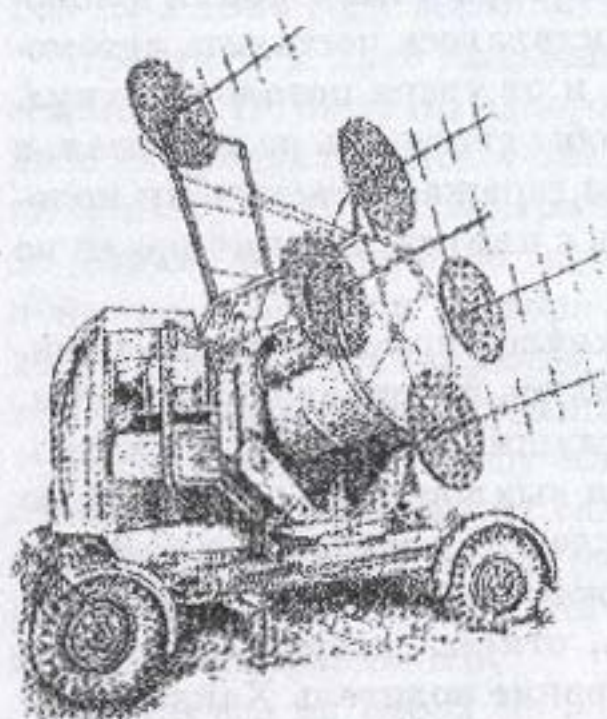
Верхнее обмундирование в летнее время мы стирали сами, зимой же носили его просто так. Новая обувь и новая шинель выдавались только после полного износа старых.

Однако даже в таких условиях не было ни инфекционных, ни иных тяжёлых заболеваний. Легкие болезни лечили ротный санитарный инструктор, батальонный фельдшер и санчасть полка. В госпиталь направляли только тяжелораненых.



Таков был фронтвой быт воинов ПВО. Каждый день требовал напряжения физических и моральных сил, но ни на минуту нас не покидала вера в победу, потому что все знали, что мы воюем за правое дело.

### РАБОТА С РАДИОПРОЖЕКТОРОМ РАП-150



РАП-150.

В 1944 году наш полк по ленд-лизу получил первые два радиопрожектора английского производства РАП-150. Это был зенитный прожектор, смонтированный на платформе четырёхосного артиллерийского лафета. Внутри корпуса находился отражатель диаметром 150 см и источник света (такой же, как у нашего прожектора). Снаружи находились две кабины для операторов, передатчик, приемные устройства, а в кабинах — радиолокационные экраны и штурвалы для вращения прожектора.

Сверху — на прожекторе — передающая антенна и сбоку — четыре приёмных антенны.

Технику мы осваивали на ипподроме, жили в неотапливаемом доме по соседству, там же стояла зенитная батарея. На этом месте теперь находится Театр юного зрителя. Начальниками станций назначили меня и сержанта П.Пашкова. Наш расчёт состоял из рядовых В.В. Тихомирова, М.Т. Константинова, А.Зверева, Ю.Панова, Г.М. Макарова. Десять дней мы знакомились с техникой. Я уже работал совместно с радиолокаторами, хорошо знал принципиальную схему работы радиолокатора и поэтому помогал операторам в освоении специальности. Сержант Пашков до службы в армии работал в радиомастерских, имел опыт эксплуатации и ремонта радиоаппаратуры. Рядовой Зверев хорошо знал дизельную установку. Занятия по обслуживанию и работе на РАП-150 проводил хорошо подготовленный старший лейтенант Богомолов. Инструкций и документации не было. На аппаратуре все тексты были написаны по-английски. Английского никто из нас не знал. Когда нашли человека, владеющего английским язы-



ком, он перевел надпись на передатчике так: «Не сняв кожух, не включать», хотя включать передатчик без кожуха нельзя.

Обучение закончилось, и на завтра тягачи должны были доставить нас на позицию. Прежде чем свернуть станции, мы решили ещё раз проверить, как они работают. Включили — наша станция не работает. А через некоторое время вышла из строя и вторая. Мы доложили о случившемся начальству. На следующий день пришла комиссия из трёх офицеров, они попробовали включить станцию — она не включалась. Офицеры поговорили между собой и ушли. Пашков сказал мне: «Давай посмотрим внимательно сами». Мы осмотрели приёмные устройства его станции — кажется, всё было нормально. Мы перешли к передатчику, сняли кожух и почувствовали запах горелого. Измерительной аппаратуры не было, поэтому мы принялись вынюхивать, откуда идёт запах. Оказалось, от силового трансформатора. Что же делать? Пашков предположил, что, видимо, пробило изоляцию между первичной и вторичной обмотками; перегореть обмотки не могли, потому что сразу перегорел предохранитель. Я доверился его опыту и согласился попробовать отвёрткой осторожно протолкнуть изоляцию между обмотками. Изолирующую ленту мы нашли в ЗИП'е (ящик с запасными инструментами и приборами), поставили новый предохранитель, включили станцию, и она заработала. То же самое мы проделали и на нашей станции, и она тоже заработала. Пришедшим специалистам мы доложили, что станции работают и можно вызывать тягачи. А когда мы рассказали, что сделали, нас отругали и сказали, что, если бы станции не заработали, нас отправили бы в штрафную роту за порчу боевой техники. Потом, правда, похвалили. Наш опыт пригодился, когда стали получать другие станции РАП-150.

Наш РАП-150 отбуксировали в морской порт. Там на баржах стояла зенитная батарея. Наша же позиция была на берегу. Мы жили в заброшенном сарае. Налётов не было. Утром 9 июня 1944 года войска Ленинградского фронта начали операцию по освобождению Карельского перешейка и восстановлению государственной границы в соответствии с договором 1940 года. Боевые действия начались с мощного артиллерийского удара в течение десяти часов. Затем — удар авиации. 10 июня последовал новый артиллерийский обстрел, и войска под прикрытием авиации и зенитной артиллерии при поддержке танков и самоходных орудий перешли в решительное наступление. В нанесении ударов по наземным и воздушным целям активно принимали участие две зенитно-артиллерийские бригады и три истребительных авиаполка ПВО. Зенит-



но-артиллерийские бригады шли вместе с наступающими частями, прикрывая их с воздуха и подавляя огневые точки врага. В боях на Карельском перешейке было уничтожено в воздушных боях и на аэродромах более ста самолётов противника.

12 июня 1944 года наш взвод в составе роты старшего лейтенанта А.Н. Шестакова передислоцировался на Карельский перешеек. Линия обороны проходила по реке Сестре. Когда мы переехали реку по мосту, сооружённому нашими сапёрами, взорам предстала панорама недавних боёв: изорванные проволочные заграждения, изрытая воронками земля, искорёженные оборонительные сооружения, брошенная техника. Наша колонна поехала по гравийной дороге, которая сохранилась в хорошем состоянии, но в обоих направлениях была забита техникой.

Мы с трудом пробивались вперёд, дорога шла по лесистой местности со спусками и подъёмами. Вдоль обочин лежали финские орудия, повозки, миномёты, автомобили и другая техника. На одном из участков дорога вышла на поляну и шла вдоль края леса. Там стояли два наших танка Т-34 со сбитыми, лежавшими рядом башнями. Третий танк стоял неподалёку, сгоревший. Метрах в двухстах в кустарнике находилась разбитая пушка и трупы финских солдат. На земле остались следы танка, уничтожившего эту пушку.

Так мы добрались до линии Маннергейма. Зрелище было неопишечное. От укреплений, построенных по всем правилам военно-инженерного искусства, остались груды железобетона и воронки. Трёхэтажные доты были взорваны. Это был результат наших бомбардировок и ударов «Катюш» и тяжёлой артиллерии.

На марше один из наших автомобилей с прожектором выехал на обочину, чтобы пропустить встречный транспорт, и попал на мину. Станция получила незначительные повреждения, но один солдат погиб и двое получили ранения.

Расчёты разместились на финских хуторах. Дома стояли пустые: все жители ушли с отступавшими войсками. Хутор, где находилась наша позиция, располагался у ручья. На ручье была сооружена маломощная гидротурбина, которую мы использовали для освещения. Ночью пролётов вражеской авиации через нашу зону не было. В это время шли бои на Выборгском направлении. Хотя линия Маннергейма в районе нынешнего посёлка Первомайского была разрушена, ещё оставались заминированными дома, дороги, а в лесах действовали финские снайперы. Их называли «кукушками», потому что они стреляли, сидя на деревьях.



После заключения перемирия с Финляндией нас перевели в район Гостилиц, где создавалось «световое поле» — большая территория, на которой стояли прожектора, обеспечивающие действие истребительной авиации. Однако налётов не было, мы занимались боевой учёбой: изучали английский опыт борьбы с беспилотными самолётами-снарядами Ф-1 и бомбардировщиками, начинёнными взрывчаткой. Взрыв такого самолёта по разрушительной силе ударной волны равен взрыву десяти бомб весом в одну тонну каждая. В свободное время мы помогали совхозам в восстановлении хозяйства.

На завершающем этапе войны прожектора широко использовались для прикрытия войск и объектов, а также для освещения наземного противника. На 2-м Белорусском фронте было 100 прожекторов, на 1-м Белорусском — 150, на 2-м Украинском — тоже 150. При ночном штурме войсками 1-го Белорусского фронта Зеловских высот под Берлином одновременно были использованы 145 прожекторов.

## ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ

Когда в Берлине подписывали акт о капитуляции Германии, наш взвод нёс боевую вахту. Около двух часов ночи меня вызвали к телефону. На проводе был командир роты Анатолий Николаевич Шестаков. Он сказал: «Поздравляю тебя и личный состав с окончанием войны, с победой, дорогой боевой друг!». Я что было сил закричал в трубку «Ура!», расчёт подхватил мой крик, и в землянке долго звучало непрекращающееся «ура!».

Я позвонил на другие прожекторные точки и сообщил об окончании войны. После каждого сообщения в телефонной трубке слышалось ликующее «ура!». Я скомандовал «Расчёт, в ружьё!», и расчёт построился у входа в землянку. Я поздравил их с Победой и скомандовал: «За Победу — пли!». Мы кричали ура и салютовали, пока в автоматах не кончились патроны.

Наша позиция располагалась на территории совхоза «Гомонтово» Волосовского района. Сторож услышал стрельбу и крики, встревожился и побежал сообщать директору совхоза Н.И. Кладову. Когда сторож пришёл к нему, я уже был у директора и рассказал ему, что война закончилась. Мы обнялись, и он распорядился вызвать в контору руководителей отделений и бригад. Дирекция пригласила наш расчёт принять участие в празднике. Мы сообща обсудили его план.



Повар приготовил «праздничный» завтрак. Поев, мы к двенадцати часам пошли на митинг. Собралось множество народа, и стар и млад. Огласили Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 9 мая Праздником Победы, выступил директор и другие работники. Все выступления заканчивались криками «ура!». Во дворе, где проходил митинг, были накрыты столы. Каждый выпивал по стопке и слегка закусывал — время было трудное, и продукты и водку выдавали по карточкам.

Вечером с пяти часов до полуночи в клубе веселилась молодёжь. Бойцы веселились вместе с местными по очереди: погуляв, одни приходили, другие уходили. Пожилые люди отмечали праздник домашними компаниями. Веселье и счастье были общими.

Война окончилась, но наш батальон по-прежнему нёс боевое дежурство. В сентябре 1945 года батальон был снят с позиций и направлен в Гостилицы. Там мы две недели приводили в порядок свой внешний вид, занимались строевой подготовкой и после строевого смотра уехали в Ленинград, в военный городок на Обводном канале — «Казачьи казармы». Все строения находились в крайне запущенном состоянии. Законсервировав технику, мы приступили к строительству помещений для неё и ремонту казарм. А потом началась служба в режиме мирного времени: боевая учёба, политическая подготовка, подтягивание дисциплины и наведение порядка согласно уставу.



## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Победа досталась нам нелегко: враг был сильный, коварный и хитрый, но тем величественнее подвиг нашего народа. Прошли многие годы со дня окончания войны, но её боль постоянно отзывается в сердцах людей старшего поколения незабываемым горем вдов, сирот, матерей, инвалидов. Напоминает о ней и подорванное здоровье: не прошли бесследно голод, тяжёлая работа во время войны и при восстановлении разрушенной страны, фронтовые холода, сырость и неустроенный послевоенный быт.

К.Симонов писал:

Война такой вдавила след  
И стольких наземь положила,  
Что двадцать лет и тридцать лет  
Живым не верится, что живы.



2004 г.

Из тех, кто оказался в первые дни войны в её горниле, остались живыми двое из ста. Потери составляли 33 тысячи воинов ежедневно, особенно в первые шесть месяцев войны, но без этих потерь победа была бы невысказана.

Каждый день на войне — это свидание со смертью. Каждый день вставал вопрос, состоится оно или нет, и сердце билось так, будто на всём белом свете только ты и она... Прошли годы, и выросли новые поколения, не знающие войны. Дай бог, чтобы они не ходили на такие свидания.

Б.Окуджава писал: «Идти на смерть, право, может только ненормальный человек», и он был прав. Молодежь часто спрашивала, страшно ли на войне. Не боится тот, у кого притупилось чувство страха или кому в жизни уже нечего терять. А вообще страшно всем. Страх — нормальная защитная реакция организма. Но люди по-разному переносят страх. Одни, уже побывав в опасности, и на этот раз надеются уцелеть; другие уповают на чудо, на бога. Ведут себя все тоже по-разному: кто-то внешне спокоен, а кто-то дрожит всем телом, плачет, крестится, не мо-



жет ни говорить, ни выполнять свои обязанности. Но если слабых духом посадить в окопы с теми, кто держит себя в руках, то и они сумеют сохранить самообладание.

Блокада Ленинграда — это самое страшное, самое мучительное воспоминание ленинградцев и фронтовиков. Они вынесли всю тяжесть войны, разлук, горя от потери близких и родных, но и в этом они проявляли величайшее мужество и высокий моральный дух.

Я прошёл войну сержантом-командиром боевого расчёта. Мне были близки страдания страны и нашего народа. Наверное, пользы от меня было немного, но все рисковали на войне в одинаковой степени. Я не ходил в атаку, но старался изо всех сил выполнять свои обязанности на совесть и делать всё так, чтобы командиры и друзья были довольны. Пусть мои потомки знают об этом.

В самое трудное время, в январе 1942 года, желая более активно участвовать в разгроме врага, я стал кандидатом в члены ВКП(б), а через год — членом партии. Вступая в партию, я понимал, что это не даёт мне привилегий, кроме одной — быть там, где наиболее опасно и тяжело, и личным примером вести за собой воинов. В послевоенный период коммунисты десять раз доверяли мне руководить партийными организациями полка, узла связи и военной школы авиаспециалистов. Их доверие я старался оправдать. Я верил и верю в идеалы социализма, хотя в партии уже не состою.

Участник войны, я не видел её всю, но то, что я видел и пережил, даёт возможность правильно оценивать события, обобщать виденное самим и то, что видели другие, отметить ложь и клевету.

В своих воспоминаниях я писал не только о себе и своих боевых товарищах, но и о том, что окружало нас, о том, что делал наш народ — ведь мы все делали общее дело для разгрома врага.

День Победы — праздник радостный и печальный, особенно в последнее десятилетие, когда охаивается всё прошлое. Но остаётся надежда, что наши честь и слава переживут нас и останутся в веках.



## ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие .....	3
Начало военной службы .....	5
Структура Второго зенитно-прожекторного полка. Боевая техника .....	9
Начало Великой Отечественной войны .....	13
Начало блокады Ленинграда .....	18
Первый таран самолёта в лучах прожектора .....	21
Оборона Дороги жизни .....	22
Работа с радиолокационной станцией орудийной наводки СОН-2 .....	29
Бытовые условия на войне .....	31
Работа с радиопрожектором РАП-150 .....	36
Окончание войны .....	39
Заключение .....	41